

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА – ПРОДУКТИВНЫЙ ПРИЕМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ (на материале газеты «Арт-Мозаика»)

Космеда Т.А.

Кафедра русской филологии

Львовского национального университета имени Ивана Франко

Действенность средств массовой информации сегодня настолько велика, что ее называют «четвертой властью», а она все активнее стремится быть первой. Способность журналистов влиять на сознание людей определена характерными чертами публицистического стиля: «популярность, образность, полемичность изложения, яркость выразительных средств, положительной или отрицательной экспрессии» [Русский язык 1979:243].

Изучая речевую практику масс-медиа, В.Г.Костомаров совершенно четко определил: «Принципиальное отличие публицистического слова заключается в большой роли эмоционального, приобретающего оценочный характер, выражающего обычно социальное отношение к предмету, обозначаемому словом. Социально-оценочная заостренность слова составляет наиболее существенную и глубинную особенность языка публицистики» [Костомаров 1999:63]. Эмоциональность и оценочность – бесспорные качества газетного текста, на которые указывают все исследователи языка газеты, ср. например: «Публицистическое отображение всегда окрашено высокой эмоциональностью. Диапазон эмоциональности велик. Это восхищение и радость, гнев и возмущение, раздумье и нежность. Это бойцовская увлеченность в анализе событий и их политических оценках» [Прилюк 1994:11] либо ср.: «Одна из главных особенностей изобразительно-выразительных средств публицистики заключается в их оценочности. Публицистика остро нуждается в экспрессивных средствах, однако публицистическая экспрессия носит подчеркнуто социальный характер. Это прежде всего экспрессия целенаправленная, избирательная, оценочная. Например, тропы в публицистике имеют ценность не сами по себе как украшение слога, средства оживления материала, а прежде всего с точки зрения оценочного эффекта, который они производят» [Швец 1979:13]. Об этом же говорит и Г.Я.Солганик: «Для публицистики оценочность выступает не только как глубинная особенность языка..., но и как важнейшее эстетическое, экспрессивное качество речи... Именно оценочный эффект, достигаемый разнообразными, практически всеми средствами языка является в то же время экспрессивным» [Поэтика публицистики 1990:12-13].

По мнению же некоторых ученых, «публицистика – особый род литературы, своеобразный по форме, методу подхода к действительности, средствам воздействия. Публицистика – это искусство слова. Язык публицистики – средство воздействия со всеми присущими ему приемами, формами, методами осуществления этого воздействия. И все эти формы, приемы, методы объединяются в систему благодаря особой функции слова в публицистике,

обусловленной в свою очередь особенностями публицистики как рода литературы» [Поэтика публицистики 1990: 5-6].

Конец XX – начало XXI века – это не только хронологическое понятие, но и структура, которая отображает состояние современного общества и человека в нем. Этот период времени в проекции на человека и язык средств массовой информации ученые характеризуют как соответствующий стилю «гранж» – «одеваться как можно хуже», что порождено желанием пооригинальничать, похулиганить. «Стиль «гранж» ярко проявляется в широком распространении *языковой игры*» [Манькова 2000: 210]. Как известно, это понятие было введено Л.Витгенштейном и определялось как один из видов прагматической деятельности. В русистике языковая игра имеет давнюю традицию изучения (см., например, работы В.В.Виноградова, А.А.Щербины, Д.Н.Шмелева, Д.Э.Розенталя, Г.Я.Солганика, А.Н.Гвоздева, В.З.Санникова и др. ученых) и в настоящее время это явление изучается в двух ракурсах – узком и широком. В узком понимании языковая игра отождествляется с каламбуром, однако постепенно ученые начали расширять ее рамки. Так, болгарская исследовательница Лиляна Цонева, тщательно изучающая данное явление, отмечает: «Языковая игра трактуется в широком смысле как специальное отклонение от языковых норм для создания определенного эстетического (чаще всего комического) эффекта. При таком подходе к языковой игре относятся разные проявления нестандартного, творческого, игрового использования языковых средств. Важно отметить, что традиционное понимание языковой игры как каламбура (игры слов, игрословия) следует считать ограниченным и несовременным» (перевод наш – Т.К.) [Цонева 2000:162]. Такого же мнения придерживается и В.З.Санников [См.: Санников 1995:67]. Урсула Канторчик справедливо считает, что осознанная неправильность, отступление от нормы просто необходимы публицистической речи, так как «шаблоны развивают лень мышления и автора, и читателя, способствуют пассивному восприятию действительности, что в конечном счете затормаживает развитие личности» [Канторчик 2001:237].

Об отклонении от нормы, языкового стандарта писала также З.С.Санджи-Гаряева, отмечающая, что «эффект языковой игры с пародийным и ироническим оттенком осуществляется путем актуализации языковых знаков разных типов и структур... Основной принцип языкотворчества – «оживление» мотивированности словесного знака на фоне автоматизированности стандартного языка» [Санджи-Гаряева 2001: 461]. Таким образом, языковая игра – способ «оживления» речи: для этого можно трансформировать хорошо известные выражения, употребить окказионализм, совместить разные стили (например, официально-деловой и разговорный), обыграть внутреннюю форму слова или устойчивого выражения и так далее.

Следует отметить, что все исследователи, определяющие языковую игру как отклонение от литературной нормы, обращают внимание прежде всего на то, что

это осознанное отклонение, то есть адресант обдуманно нарушил существующие нормы.

Последнее время в зарубежном языкознании наблюдается тенденция, направленная на выделение отдельного направления исследований, которое получило название «Лингвистика ошибок», «Патоллингвистика» или «Девиатология», где объектом изучения являются отклонения от нормы, аномалии, коммуникативные неудачи («провалы») и т.д. Ф.С.Бацевич посвятил этой проблеме монографию, в которой отмечает, что повышенный интерес к патоллингвистике закономерен, так как «в любой человеческой деятельности ошибки – естественное явление, которое, как правило, воспринимается негативно... разнообразные языковые ошибки, оговорки, описки, ляпсусы, погрешности, неточности, аномалии, коммуникативные неудачи и так далее являются одновременно важным источником наших знаний о языке и инструментом его исследования» (перевод наш – Т.К.) [Бацевич 2000:4-6].

Языковая игра – художественный прием, который выполняет определенную функцию в тексте. Аномалии же и коммуникативные неудачи, с которыми иногда путают языковую игру, являются неосознанными отклонениями от норм.

Профессор Л.А.Кудрявцева, исследуя городское просторечие конца XX – начала XXI веков, также обращает внимание на языковую игру, справедливо считая, что просторечные слова выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию, кроме того, «просторечия – внелитературны, противопоставлены общепринятым и узаконенным языковым нормам» [Кудрявцева 2001: 191], следовательно, употребление просторечных слов и выражений можно также считать одним из приемов создания языковой игры, в том случае, если оно влечет за собой осознанное отклонение от нормы.

О проникновении просторечий в современный публицистический дискурс пишет и И.А.Соболева, подчеркивая, что «можно говорить о новом подчеркнуто сниженном тоне языка средств массовой информации, модели нового языкового поведения, когда адресат детерминирует не только себя, но и читателя с определенной социальной ролью, будто делает заявку на оговоренные заранее правила языковой игры» (перевод наш – Т.К.) [Соболева 2002:9]. Исследовательница утверждает, что просторечная периферия функционирует в дискурсе как набор разного рода орфоэпических, грамматических, семантических и других отклонений от норм литературного языка, как специально сниженный, иногда грубый и фамильярный, способ коммуникации. В ряде случаев это своего рода стилизация под язык среды, не владеющей литературным языком. В просторечной периферии прослеживаются следы диалектного происхождения, профессиональных и молодежных жаргонов; смешивается лексика бытовых номинаций; иностранные слова употребляются в переключенном значении; смешиваются слова и обороты официально-делового и разговорно-бытового пользования и т.д. «Игра» с подобными сниженными единицами – один из наиболее выразительных средств современной публицистики. Разнообразный

вариативный ряд просторечных моделей помогает адресанту полнее и ярче отобразить сложный и многосторонний процесс современного публичного общения.

Рассуждая о значении языковой игры в коммуникации, ученые отмечают, что «говорящий/пишущий, прибегая к языковой игре, преследует цель достичь запланированного эффекта (например, привлечь внимание к форме речи)» [Манькова 2000: 210]. Интересным представляется толкование языковой игры, данное З.Фрейдом, на которое обращает внимание В.З.Санников: «Одна из важных функций языковой шутки заключается в удовлетворении агрессивности... Сальный разговор, «чрезвычайно излюбленный простым народом», в образованном обществе вытесняется, отвергается цензурой культуры» [Санников 1995:58]. Об этом же пишет Д.Б.Эльконин, объясняющий явление языковой игры с психологической точки зрения. Ср.: «Шутка позволяет «замаскировать» какое-либо сообщение и благодаря этому выразить те смыслы, которые находятся под запретом. Языковой игрой в широком смысле можно считать всякое поэтическое творчество. Поэзия в своей первоначальной функции как фактор ранней культуры рождается в игре и как игра. Это освященная игра, но в своей священности она все же постоянно остается на грани необузданности, шутки, развлечения. Именно с этим связан тот факт, что в непонятные слова и словосочетания слушающие склонны вкладывать бранный или неприличный смысл... Языковая шутка позволяет говорящему нарушить важный принцип речевого общения – принцип вежливости, маскирует и сглаживает невежливость. Особенно отчетливо это проявляется в иронии» [Эльконин 1978:262].

Польский исследователь Богдан Дземидок в отклонении от нормы видит лишь достижение комического эффекта. По этому поводу он отмечает: «Некоторые исследователи полагают, что комическим следует считать любое явление, которое отклоняется от нормы и поэтому кажется нам целесообразным и нелепым. Существует даже теория отклонения от нормы, основоположником которой является немецкий эстетик Карл Грос» [Дземидок 1974:33].

Л.И.Житенева соглашается с этим, однако констатирует и тот факт, что «сегодня мы сталкиваемся часто не с языковой игрой, а с простейшей безграмотностью. Причем различные неправильности проникают в средства массовой коммуникации, культивируются в них» [Житенева 1984:86].

Таким образом, в работах современных ученых отсутствует разнообразное определение явления языковой игры. В частности, ставится и вопрос о том, нецелесообразнее ли в данном случае рассуждать о речевой игре, поскольку она «двунаправлена по отношению к языку и речи» [Гридина 1996:7-10].

О.Т.Тимчук предлагает заменить термин «языковая игра» термином «игра слов» и объясняет названное выразительное средство следующим образом: «Семантико-стилистическое явление игры слов исследуется обычно на фонетическом уровне (разнообразные звуковые повторы), лексико-семантическом (обыгрывании значений многозначного слова, омонимов,

паронимов) и в меньшей степени на фразеологическом уровне. Но оно активно проявляется и на других языковых уровнях, соответственно и сам термин «игра слов» нужно принимать несколько условно, понимая под ним также «игру» морфем и вообще структурных элементов слова, морфологических категорий, синтаксических единиц» (перевод наш – Т.К.) [Тимчук 2001:54]. В данном случае речь идет о формально-смысловом обыгрывании компонентов слова на уровне морфемном (переосмысление их без формальных видоизменений) и словообразовательном (с образованием новых структурных языковых единиц).

Таким образом, сравнивая два взгляда на языковую игру – традиционный («узкое» понимание) и современный («широкое» понимание), можно сделать вывод о том, что «узкое» понимание отсекает многообразный пласт изобразительных экспрессивных средств. В этом случае рассматривается только лексика, но современные исследования данного вопроса показали, что языковая игра широко представлена также на фонетическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях. В связи с этим наиболее точным считаем определение, представленное Л.Цонева. Ср.: «*Языковая игра – специальное отклонение от языковых норм для создания определенного эстетического (чаще всего комического) эффекта*» [Цонева 2000:163].

Сегодня в публицистике выделяются следующие формы языковой игры: каламбур, метафора, цитация, окказиональные единицы, оксюморон, игра с графикой, игра с фразеологией.

В молодежной газете «Арт-Мозаика» активно используются различные средства создания языковой игры, при этом используются как отдельные приемы, например, каламбур (Ср.: «*Тяж елая ж изнь т яж елой ж енщины*» [Арт-Мозаика 2001:28-29. Далее сноски на эту газету будут приводить в тексте после примера, при этом первая цифра – номер газеты, вторая – страница]; «*Ага, т ы любит ель Агат ы!*» [41, 8]; «*Илья Олейников и Юрий Ст оянов заверили, чт о «Городок» был, ест ь и будет ест ь*» [10, 12] и др.), так и комплекс приемов (Ср.: «*Гребенщиков косит под Льва Толст ого*» [41, 5] – заголовок статьи о том, что «Борис Гребенщиков снялся в фильме, в котором внешне похож на Льва Толстого (борода, длинный халат, *коса* в руках)». В заголовке употреблен жаргонизм *косит ь* со значением «подражать кому-либо» (Борис Гребенщиков подражает Льву Толстому), однако в статье акцентируется внимание на том, что в фильме Гребенщиков, как и Л.Толстой, постоянно косит траву, то есть глагол *косит ь* употребляется в буквальном значении «срезать косой или косилкой». В этом случае обыгрываемые единицы неравноправны, так как значение жаргонизма здесь превалирует).

В газете «Арт-Мозаика» достаточно частотным является использование эвфемизмов (Ср.: «*Муж чина, пыт авшийся задней част ью своего т ела погасит ь Вечный огонь, был дост авлен в больницу*» [35, 3]; «*В человеке все долж но быт ь прекрасно. То, чт о обычно скрыт о от человеческих глаз, – не исключение*» [16, 25]; «*Если вы решили уменьшит ь извест ную част ь т ела с помощью*

моделирующих колготок, вы сделали правильный выбор» [8, 29]; «Папа Иоанн Павел II утвердил список исполнителей, кот орым запрещено участвовать в традиционном рождественском концерте. В черном списке... два главных геев мировой поп-музыки Элтон Джон и Джордж Майкл – за «голубые» дела» [51, 5] и др.). Эвфемизмы активно используются при характеристике продукции низкого качества в кинематографе. Такие сериалы определяют как «российское «мыло» [10, 13], «мыльные оперы» [49, 6; 49, 12; 8, 21], «мыльный кумир» [8, 8], «мыльные страсти и Андрея Малахова» [49, 12]; «Продюсерская компания «Новый русский сериал» выдувает грандиозный по размерам и переливчатый по жанровому окрасу «мыльный» пузырь – сериал «Черный ворон» [10, 13], «Гусей потянуло на мыло» [49, 5] и др.

В основе языковой игры может находиться языковой феномен и феномен интертекстуальности. При этом прецедентные тексты считают индикатором принадлежности говорящего к определенной эпохе и ее культуре. Сегодня круг прецедентных текстов расширился за счет названий кинофильмов и киноцитат. Ср.: «Не понятна американцам особенность и национальной английской бани» [23, 4]; «Особенность и национального бильярда» [11, 4]; «Значительно возросло желание наших масс плакать теперь уже со своими богатыми» [39, 12-13]; «Богатые психи тоже плачут» [11, 3]; «Кто сказал «мат»?» [43, 3]; «Тюремный романс – 2» [38, 5]; «Щас спою!» [36, 5]; «Не хочешь всю жизнь насвистывать с дырочкой в правом боку – не наступи на ежика в тумане» [16, 22]; «Новые Робинзоны» [49, 13]; «Рыжий, рыжий, конопатый» [44, 3]; «Птичку жалко» [25, 3]; «Ларису Ивановну хочу!» [29, 8]; «Старик-распутник» [50, 32]; «Подарок – дело тонкое» [51, 29]; «За двумя зайцами» не угнался Олег Борисов» [20, 9]. Корпус прецедентных текстов пополняется за счет песенных цитат: а) прямые цитаты. Ср.: «Позвони мне, позвони...» [16, 30-31]; «Я смогу, я не заплачу» [16, 31]; «Эх! Залетные...» [43, 30]; «Эй вы там, наверху...» [23, 31]; «Эти глаза напротив» [33, 32]; «Где эта улица, где этот дом?» [17, 9]. «Получается как в известной песне – «я его слепила из того, что было, а потом, что было, то и полюбила» [42, 20-21]. Строки из этой же песни, но уже в трансформированном виде, используются в другой статье. Ср.: «Ничего нового примадонна, правду сказать, не придумала, а попросту слепила очередные «Рождественские вступительные речи» из того, что было, то есть из прошлогодних записей» [51, 5]; б) трансформированные цитаты. Ср.: «Многие актрисы ему нравились, только вот руки не доходили. Девушки – потом, а на первом месте – работа» [36, 8-9]; «Любовь, похожая на плен» [32, 14-15]; «Черный ворон – эмблема судьбы» [10, 13]; «Гей и славяне, мужики и египтяне» [37, 28-29]; «Слон не играет в хоккей» [25, 24]; «Куда уходит юмор?» [51, 3] и др. В качестве прецедентных феноменов часто используются высказывания, не имеющие общекультурного значения («злободневные» прецеденты, опирающиеся на рекламу, модные телепередачи и др.). Ср.: «Ревность от безделья лечится легко. Просто добавь воды, в смысле займи ее делом» [44, 31]. Популярным среди журналистов оказался лозунг

рекламы духов: «*Все ароматы Франции в одном наборе*» и рекламы шампуня «*Шампунь «Два в одном» – шампунь и кондиционер в одном флаконе*». В тексте газеты обнаружены следующие его трансформации: «*Фот омодел ь Инна Гомес – героиня и секс-символ плюс от важ ная подруж ка Тарзана в одном флаконе*» [51, 12]; «*Три ведьмы в одном флаконе*» [39, 12-13]; «*Цельнокроенные купальники состоят из одной части, верхней и нижней части в одном флаконе*» [26, 32]; «*... по формуле «два в одном» получается*» [42, 28-29] – статья о вступительных экзаменах: «*есть и совмещенные экзамены, это и выпускные и вступительные вузовские*»; «*Двое в одном*» [25, 28].

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют, что языковая игра – продуктивное языковое явление в языке современной газеты, а механизмы ее образований видоизменяются, демонстрируя творчество носителей языка.

Бацевич Ф.С. Основы комунікативної девіатології. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2000. – С.4-6.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический институт, 1996. – С.7-10.

Дземидок Б. О комическом. – М.: Прогресс, 1974. – С.33.

Житенева Л.И. “Газетность” – примета стиля // Русская речь. – 1984. – С.86.

Канторчик У. О языке прессы в переломные времена // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Международный конгресс. – М.: МГУ, 2001. – С.257

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб.: Наука, 1999. – С.63.

Кудрявцева Л.А. Русский язык на Украине: Киевское городское просторечие конца XX столетия // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Международный конгресс. – М.: МГУ, 2001. – С.191.

Манькова Л.А. Стилистические особенности русскоязычных средств массовой коммуникации на постсоветском пространстве // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе: Материалы международного семинара. – Луганск-Женева: Знание, 2000. – Вып.1. – С.210.

Поэтика публицистики / Под ред. Г.Я.Солганика. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С.5-6, 12-13.

Прилюк Д.М. Публицистичность в журналистике // Вестник МГУ. – Сер. журналистика. – 1994. – № 1. – С.11.

Русский язык: Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1979. – С.243.

Санджи-Гаряева З.С. Языковая личность Андрея Платонова через призму языковой игры // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Международный конгресс. – М.: МГУ, 2001. – С.461.

Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С.58, 67.

Соболева І.О. Знижені (позалітературні) мовні засоби в сучасному публіцистичному дискурсі: Автореф. ...канд. філол. наук. – Сімферополь, 2002. – С.9.

Тимчук О.Т. Обігравання структурних елементів слова як семантико-стилістичне явище (морфеміка і словотворення) // Мовознавство. – 2001. – № 2. – С.54.

Цонева Л. Езиковата игра в съвременната публицистика. – В.Търново: Фабер, 2000. – С.162, 163.

Эльконин Д.Б. Психология игр. – М.: Педагогика, 1978. – С.262.